

120
682

ПУТНИКЪ (Н. Лендеръ)

БОСФОРЪ

и

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

АНАТОЛІЙСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.— ПО РУССКОМУ ЮГУ

ОЧЕРКИ И КАРТИНКИ

СЪ КАРТОЮ ЧЕРНАГО МОРЯ

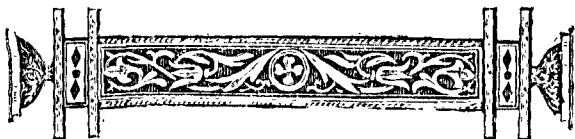
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13

1892

Штунда.

БЛАГОДАРЯ своему быстрому распространению, штунда въ послѣдніе годы сдѣлалась крупною «злобою дня» на югѣ Россіи. Низовое Приднѣпровье изобилуетъ штундистами; ихъ много, впрочемъ, и въ сторонѣ отъ Днѣпра въ остальныхъ мѣстностяхъ Херсонской губ., въ особенности въ Одесскомъ уѣздѣ. На штунду одно время у насъ стали смотрѣть какъ на орудіе германизаціи южныхъ областей. Этотъ взглядъ, конечно, грѣшитъ преувеличеніемъ. Но штунда во всякомъ случаѣ явленіе очень любопытное и, говоря о приднѣпровскихъ нѣмцахъ, необходимо коснуться ея.

До шестидесятыхъ годовъ положительно никто не зналъ, что это за штунда? Хотя насадителями ея были нѣмцы-колонисты, но, должно быть, пропаганда штунды долгое время не имѣла успѣха.

Первыми приверженцами этого «упованія» явились такъ называемые «мѣщане-десятинщики», т. е. тѣ мѣщане, которые брали въ аренду участки земли у нѣмцевъ и находились поэтому въ постоянномъ соприкосновеніи съ сектантами. Съ тѣхъ поръ штунда стала все шире и шире охватывать Приднѣпровье и Новороссійскія степи. Въ семидесятихъ годахъ она сдѣлалась уже очень замѣтной. Въ послѣднее время успѣхи штунды какъ-то совпали съ «мирнымъ завоеваніемъ» юга Россіи нѣмцами, т. е. съ расширеніемъ земельныхъ пріобрѣтеній нѣмецко-колонистовъ. Это совпаденіе вѣрнѣе всего и вызвало толки о «германизациі» юга. Въ сущности же штунда—сама по себѣ, а расширеніе нѣмецкаго землевладѣнія въ южно-русскихъ губерніяхъ, въ особенности въ Екатеринославской,—само по себѣ и связь между этими явленіями чисто случайная.

Что такое штунда? Если хорошенько присмотрѣться къ ней, то мы увидимъ, что она очень похожа на добрый десятокъ другихъ сектъ, существующихъ и на нашемъ югѣ, и въ восточной полосѣ Россіи. Всѣ секты у насъ имѣютъ одну общую черту: онѣ распространяются въ народной массѣ и поддерживаются въ ней не потому, чтобы возбуждали къ себѣ симпатіи людей самой сущностью «упованій», а потому, что обѣщаютъ прямыя или косвенныя выгоды послѣдователямъ: у сектантовъ вообще раз-

вита взаимопомощь и круговая поддержка и этим многое объясняется. Ниже мы увидимъ, что нѣчто подобное, даже въ очень грубой формѣ, практикуется и у штундистовъ. Особенность штунды—ея нѣмецкое происхожденіе,—особенность въ сущности не важная, малозначущая. Баптисты, которые занесли къ намъ штунду, отрицаютъ не только обряды и догматы православной и католической церкви, но не признаютъ и лютеранскаго вѣроисповѣданія. Слѣдовательно, ни нѣмцы-лютеране, ни лютеранскіе пасторы не могутъ сочувствовать распространенію штунды и она, какъ любая секта, стоитъ въ отдѣльности, сама по себѣ. Пронагапта штунды ведется особыми вожаками изъ менонитовъ, которымъ многіе колонисты могутъ и не сочувствовать. Обыкновенно дѣло происходитъ такъ. Объявляется какой-нибудь штундистъ, находящійся съ окрестнымъ людомъ въ коммерческихъ или дѣловыхъ сношеніяхъ. Сначала онъ наблюдаетъ, присматривается, осторожно заводитъ разговоры о томъ, о семъ, а затѣмъ, испробовавъ почву, начинаетъ навязывать знакомому люду свое упованіе. Въ большинствѣ случаевъ дѣло вертится около того, что молъ каждый, принявшій штунду, разбогатѣетъ. Представляются и другіе резоны, иногда болѣе умѣренные и осторожныя. И вотъ штундистъ такъ или иначе наводитъ колеблющагося на размышленіе. Въ деревенской

жизни такая масса разных мелочных нуждъ, что удовлетвореніе хотя бы нѣкоторыхъ изъ нихъ является весьма соблазнительнымъ. Въ перспективѣ—помощь богатыхъ сектантовъ. Надо замѣтить, что богатые сектанты, оказывающіе помощь бѣднымъ, человѣку, не принадлежащему къ ихъ сектѣ, не помогутъ. Иногда завлеченіе въ секту отдаетъ грубымъ обманомъ. Не помню, гдѣ-то на югѣ нѣмецъ-штундистъ проповѣдывалъ, что каждый, принявшій штунду, послѣ двухъ-лѣтняго испытанія, будетъ находить ежедневно утромъ подъ подушкой двадцатипятирублевку. Какъ видите, тутъ ужъ очень откровенно; безъ всякихъ церемоній дѣлается нелѣпный вызовъ алчности массы. Авось, молъ, есть такіе легковѣрные, что для нихъ лучшихъ приманокъ и изобрѣтать не стоитъ.

Это частный случай... Вообще же сектантство наше находитъ себѣ опору въ кружковщинѣ. Богатый сектантъ помогаетъ бѣдному, вліятельный—слабому, а голосистый крикунъ изъ числа главныхъ вожаковъ секты отстаиваетъ интересы своего неголосистаго собрата по упованію. Въ каждой сектѣ подобная черта является характерной. Бѣдные поселяне превращаются въ зажиточныхъ и обезпеченныхъ штундистовъ и эти примѣры заразительно дѣйствуютъ на массу, не вдумывающуюся во внутренній смыслъ явленій и не понимающую того, что штун-

дизмъ въ подобныхъ превращеніяхъ въ сущности не при чемъ; все дѣло въ дружной взаимопомощи, которая сама по себѣ сила, въ всякаго штундизма.

Но внѣшность дѣйствуетъ, и подобными превращеніями объясняется отчасти успѣхъ не одной штунды, но и другихъ сектъ. У штундизма, строго говоря, нѣтъ никакихъ яркихъ чертъ, которыя выдѣляли бы его изъ стереотипной обстановки остального сектантства. Между сектантами одного «упованія» существуетъ вездѣ главнымъ образомъ внѣшняя связь на почвѣ житейскихъ выгодъ; тѣмъ же силенъ и штундизмъ. Внутренняя же связь, связь, такъ сказать, по духу упованія—на послѣднемъ планѣ. Это имѣетъ свою очень хорошую сторону, ибо ясно показываетъ, что никакое сектантство не овладѣваетъ прочно нашимъ сельчаниномъ и никакія со стороны занесенныя сектантскія бредни не въ состояніи слишкомъ увлечь его и развратить его душевный міръ. Онѣ только скользятъ по поверхности, не забираясь въ тайники души. Штундисты ссылаются иногда на какія-то «батьківскія книги» и «батьківскіе завѣты», но можно быть вполне увѣреннымъ, что большая часть ихъ говоритъ съ чужого голоса, именно съ голоса своихъ вліятельныхъ вожаковъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что на увлеченіе штундизмомъ нельзя смотрѣть какъ на серьезную измѣну религіи и народности. Это просто «вы-

годное» дѣло. «Нѣмцу съ его штундой живется хорошо; дай-ка, моль, и я перейду въ штунду», думаетъ слабодушный хохоль: мнѣ тоже будетъ хорошо житися». И вотъ, не въ силу какого-нибудь духовнаго тяготѣнія къ лжеученіямъ штундизма, а просто въ силу мишурныхъ поверхностныхъ соблазновъ онъ присоединяется къ штундѣ. Пройдутъ первые моменты преувеличеннаго ожиданія выгодъ, наступитъ нѣкоторое разочарованіе и прелести штундизма сами собою начнутъ стусывываться; останется одна только внѣшняя показная принадлежность къ сектѣ.

Сколько бы ни твердили хохлы-штундисты о «батьківскихъ» преданіяхъ, но возьмите cadaго изъ нихъ въ отдѣльности, и вы убѣдитесь, что матеріальная сторона въ сферѣ штундизма играетъ такую же роль, какъ въ области остальнаго сектантства. Иной готовъ былъ бы оставить секту, по его останавливаютъ житейскія причины: впервыхъ, ему чувствительно поработщающее вліяніе главарей и руководителей секты, которые могутъ вредить на каждомъ шагу; вовторыхъ, какъ избѣжать недоброжелательства массы, смотрящей на отпавшаго не иначе, какъ глазами тѣхъ же главарей?

У нѣмцевъ штундизмъ и штундистскія общины, между прочимъ, потому и крѣпки, что нѣмецкимъ

колонистамъ въ высшей степени свойственъ общинный духъ и солидарность главнѣйшихъ жизненныхъ принциповъ. Надъ каждымъ колонистомъ незамѣтно тяготѣетъ власть общины, полная разсчетовъ и плановъ на много лѣтъ впередъ. Онъ не въ силахъ выбиться изъ-подъ этой власти, да, пожалуй, и не захѣмъ ему, ибо и подъ ея опекой живетъ недурно. Весь нѣмецкій муравейникъ съ перваго до послѣдняго человѣка, съ перваго и до послѣдняго поколѣнія, хранить въ себѣ задатки сознательнаго повиновенія общинной силѣ. Община черпаетъ въ этомъ многія выгоды и крѣпко охраняетъ свою обособленность и неподатливость разнымъ постороннимъ вѣяніямъ. Подобная организація нѣмецкаго быта благопріятствуетъ сектантству. Въ то время какъ наши русскія секты, разбившіяся на многочисленныя отдѣльныя кружки, непріязненно относятся другъ къ другу и даже жестоко враждуютъ между собой (напримѣръ, австрійцы и безноповцы), штундизмъ развивается на почвѣ дружнаго общиннаго единенія. Если отъ порабощенія себѣ менонитовъ онъ и переходитъ къ порабощенію хохловъ, то, все-таки, онъ имѣетъ среди нихъ больше виѣшній успѣхъ, изъ-за выгодъ житейскихъ.

Нравственная сторона народа совсѣмъ ужъ не такъ податлива къ воздѣйствію штундистскихъ

брѣдней... Миссіонерская дѣятельность врядъ-ли должна встрѣтить большія трудности въ дѣлѣ разсѣянiя на югѣ сектантскихъ заблужденiй, охватившихъ широкое поле, но не пустившихъ глубокихъ корней.

До Александровска.

ВРЕМЕНА перемѣнчивы... Запорожцы едва ли могли предвидѣть, что насиженные ими мѣста Приднѣпровья современемъ сдѣлаются резиденціей вѣмцевъ-колонистовъ. А оно такъ теперь и выходитъ. Никополь едва ли не единственный запорожскій уголокъ, свободный отъ вѣмецкаго элемента. Въ другихъ мѣстахъ, выше по Днѣпру, бывшее Запорожье обратилось въ настоящее вѣмецкое царство.

Между Никополемъ и Александровскомъ двѣ пристани: Тарасовка и Бѣленькая. Это тоже промышленные уголки Екатеринославской губерніи. Бѣленькая, расположенная въ 100 верстахъ отъ Екатеринослава, замѣчательна, впрочемъ, еще тѣмъ, что въ окрестностяхъ ея много древнихъ могилъ, въ которыхъ дѣлали разныя археологическія находки и открывали подземные ходы и пещеры. Съ приближе-

пиемъ къ Александровску, берега Днѣпра принимаютъ иную фізіономію, чѣмъ равьше. Правый берегъ—возвышенный, лѣвый не высокъ и густо окутанъ растительностью. На этомъ берегу и расположенъ Александровскъ. Пovyше его, въ 100 верстахъ отъ Никополя, Днѣпръ перерѣзанъ обширнымъ островомъ. Это—островъ Хортица, бывшій главнымъ мѣстопробываніемъ Запорожской сѣчи. Онъ имѣетъ нѣкоторые остатки старины: запорожское кладбище съ памятниками, подземный ходъ, атаманскій камень, скалу Сирка. Кошевой атаманъ Иванъ Сирко—одинъ изъ популярныхъ атамановъ. Имъ былъ написанъ въ 1680 году знаменитый, въ своемъ родѣ, отказъ турецкому султану Махмуту IV въ отвѣтъ на сдѣланное запорожскимъ казакамъ предложеніе о добровольномъ подчиненіи Турціи.

На Хортицѣ теперь настоящее нѣмецкое царство со всѣми присущими ему особенностями. Тутъ богатая колонія менонитовъ Кичкасъ или Ейялаге. Въ ней около тысячи жителей, заводъ и всѣ признаки широкой промышленной дѣятельности. Хортицкіе нѣмцы въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ другіе колонисты Приднѣпровья, славятся производствомъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Колонія Кичкасъ—едва ли не главная поставщица машинъ для днѣпровскихъ мѣстностей. На вѣялкахъ, въ изобилии перевозимыхъ по Днѣпру, вы постоянно читаете

имена хортицкихъ производителей: Шульца и друг. Пѣмцы завели это дѣло и въ самомъ Александровскѣ. Въ то время, какъ колонисты Поволжья придерживаются почти исключительно скромныхъ рамокъ кустарнаго производства, днѣпровскіе пѣмцы успѣли открыть большія заводскія предпріятія. Въ Александровскѣ имѣется обширный чугунно-литейный и механическій заводъ гг. Лейпа и Вальмана; производство плуговъ—одна изъ важныхъ отраслей въ дѣятельности завода.

Александровскъ, съ первыхъ же шаговъ, не производитъ выгоднаго впечатлѣнія. Отъ пристани ведетъ въ городъ, на протяженіи двухъ верстъ, пыльная и скверная дорога, изрытая ямами и выбоинами. Она пролегаетъ по мѣстности, затопляемой и размываемой весенними разливами Днѣпра. Въѣзжая въ Александровскъ, нѣсколько дивишься его захолустному виду. Городъ большой, промышленный, играющій громадную роль и въ каменноугольномъ дѣлѣ (отправки угля въ низовья Днѣпра, въ Одессу и проч.) и въ хлѣбной торговлѣ, а какой онъ сонный и невзрачный!.. Тутъ—вереницы покривившихся домишекъ, дырявыхъ заборовъ, и весь городъ не имѣетъ ничего такого, что бы говорило о его большой роли въ жизни Юга и въ южномъ хозяйствѣ. Совсѣмъ захолустный городокъ съ тѣми типичными особенностями, которыя свойственны городкамъ и

и́стечкамъ Украйны. Въ безлюдныхъ улицахъ, рядомъ съ плохенькими мазанками, какія-то мудренныя вывѣски. Вотъ «Бакалейная и галантерейная торговля и Иностраннй инструментъ». Что означаетъ сей «иностраннй инструментъ» — одному Богу извѣстно. Подальше, широко распахнуль свои двери «Всеобщій заѣзжій дворъ». Этотъ сонный, захолустный городокъ имѣеть четыре чугувно-литейныхъ и механическихъ завода, нѣсколько паровыхъ мельницъ и большіе склады машинъ и орудій.

Довольно медленно обстраивается и улучшается Александровскъ. Выдающееся зданіе здѣсь — новый Покровскій соборъ, оконченный постройкою и освященный осенью 1890 года. Онъ выстроены взаимѣнь очень ветхаго стараго собора, деревянное зданіе котораго еще можно видѣть тутъ же рядомъ.

У Александровска рѣчная пароходная линія оканчивается. Выше его — непроходимый дѣпровскій Рубикопъ — пороги; только весной, при высокомъ горизонтѣ воды, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль пробираются черезъ нихъ, да и то съ величайшей осгорожностью, сплавляемые сверху плоты да кое-какія посудины.

Пороги начинаются верстахъ въ восьми за Александровскомъ, недалеко отъ колоніи Кичкасъ. Растянувшись на 70 верствъ вплоть до Екатеринослава, они образуютъ то скалы, отдѣльно поднимаю-

щіяся со дна рѣки и подводные камни, то острова, то, наконецъ, цѣлыя гряды или «заборы». Всѣхъ пороговъ десять. Вотъ они въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ острова Хортицы къ Екатеринославу: порогъ Вильный, Лишній, Товалжинская гряда и порогъ Будиловскій, порогъ Волникскій, порогъ Непасытецкій—самый большой и имѣющій ниже себя заборы: Воронову и Кривую, порогъ Тягинскій, Толчинская забора, порогъ Звалецкій, заборы Стрѣличья, Кривая-Богатырская, порогъ Лоханскій, порогъ Сурскій, Яцева забора, Воломинова и, наконецъ, порогъ Старокайдацкій.

Въ 1780 году купцомъ Фалѣевымъ былъ устроенъ на свой счетъ въ районѣ Непасытецкихъ пороговъ каналъ со шлюзомъ. Это была уже не первая попытка придти на помощь днѣпровскому судоходству. Еще раньше принимались мѣры для облегченія плаванія. Первая изъ этихъ мѣръ, оказывается, предпринята была въ 1732 году *). Въ 1853 году были устроены каналы, предназначенные для обхода пороговъ въ особенно опасную пору—по спадѣ воды.

По сколько стараній ни было приложено къ этому дѣлу, а днѣпровскій рѣчной путь, все-таки, до сихъ поръ остается прегражденнымъ.

*) По свѣд. Геогр.-Стат. Слов. П. П. Семенова.